«Ночной Шанхай, ночной Шанхай,

Город, который никогда не спит.

Горят огни, шумят машины,

Умиротворение…!»

Танцовщицы с тяжелым макияжем завлекающе танцуют на сцене под эмоциональное пение девушки.

Тусклый свет, странная атмосфера, ароматы красного вина переплетаются в воздухе, образуя вокруг юноши странное притяжение.

Красный дым окутал юношу, но когда дымка рассеялась, он понял, что стоит в центре сцены. Дерзкая танцовщица извивалась рядом с ним, потираясь о его тело в такт песни.

Невероятные ощущения и в то же время какое-то все туманное.

Молодой человек чувствовал, как сердце радостно стучит, а тело расслаблялось. Если это сон, пусть он длится долго, просыпаться совершенно не хочется.

По сравнению с полицейским участком, по сравнению с холодными жетонами полицейских, по сравнению с оковами, в которые он сам себя заточил, это место, этот клуб, эта сцена – просто рай.

Взгляд юноши пробежался по залу. Пустые столики, гостей, вроде, нет. Нет, кажется, что вдали за столиком кто-то сидит. Незнакомец прячется в темноте, попивая вино.

Почему в моем сне неизвестный человек?

- Хорошо быть молодым, - издалека раздался вздох.

Молодой человек знал, что это сказал тот единственный посетитель за дальним столиком.

- Кто ты? – крикнул юноша.

- Кто я, не важно. Я хочу спросить тебя, кто ты?

- Я… - молодой человек начал заикаться. Сцены совершенных преступлений, сцены

задержания на вокзале и сцены допросов ворвались в его сознание.

Как я здесь оказался? Если это сон, почему я не проснулся, когда понял, что это сон?

Лян Чуань осторожно взболтнул вино в бокале. О, он наконец вспомнил все. Он боялся, что юноша ничего не поймет.

- Что происходит? Что это за место? – взревел молодой человек со сцены. Танцовщицы, одна за другой, покидали сцену, оставив его одного.

- Ад, - ответил Лян Чуань.

- Ад? – молодой человек побледнел, но все равно улыбнулся. – Я в аду?

- Ты думаешь иначе? – задал риторический вопрос Лян Чуань.

- Это место немного отличается от ада, который я себе представлял раньше, - хотя молодой человек все еще казался немного растерянным, он был довольно спокойным.

- Потому что место, где ты находишься, и есть ад, - Лян Чуань осторожно сделал глоток вина, наслаждаясь чудесными ощущениями, когда жидкость потекла по его языку. – То, что ты сделал, обычно делают злые духи из ада. Поэтому ты и есть ад.

- Кто ты? Где ты? – вскричал молодой человек, начиная сердиться.

Он был тем, кто обманом заставил жертву служить ему. Он был тем, кто накинул на голову жертвы толстый пластиковый пакет и ждал ее смерти.

Возможно, в момент его ареста он выглядел сожалеющим, кричал и громко плакал, но в момент, когда нападал и причинял боль другим, он выглядел совершенно иначе.

Например, сейчас, когда в его голове возникли сцены насилия, он не выглядел способным на такое зверство. В этот момент сложно было угадать его возраст.

Сейчас он выглядел как большинство несовершеннолетних, которые учатся в школах или не учатся, которые нашли подработку на неполный рабочий день, чтобы помогать своим семьям. Что же в нем такого особенного, что он продолжает выглядеть невинно даже после совершенных зверствах.

- Я сказал, что это ад. - Лян Чуань поставил бокал с вином на стол. – Ты уже понял это, не так ли?

- Ом…

Кажется, кто-то долго нажимал на клавишу пианино и протяжно завывал.

Молодой человек заметил, что покинувшие сцену танцоры, вернулись и одновременно бросились к нему.

Он попытался сопротивляться, но понял, что не может пошевелиться. Каждый из танцоров обладал невероятной силой.

«Ночной Шанхай, ночной Шанхай,

Город, который никогда не спит…» - снова затянула певица. Ее голос изменился, он стал стремительным, без ноток отчаяния, которые были раньше. От ее пения веяло смертельной опасностью.

- Отпустите меня! Отпустите меня! – взревел молодой человек.

Его голову, руки и ноги держали танцовщицы, как и раньше, когда он с сообщниками держали женщину, над которой измывались несколько часов.

Он упорно боролся, так же, как и та бедна женщина, пытающаяся вырваться из оков смерти.

Певица извивалась на сцене, вертя бедрами, приближая кульминацию шоу. Наконец танцовщица принесла ведро и пачку рисовой бумаги.

Она накрыла лицо юноши рисовой бумагой.

Юноша энергично дует, танцовщица накрывает лицо новым листом. Молодой человек продолжает сдувать бумагу, а танцовщица, играюще, накрывает его следующим листом.

Танцовщица не устает, а силы молодого человека на исходе. Вскоре он почувствовал, что сила дыхания стала слабой, а слой рисовой бумаги такой большой, что было нелегко его сдуть с лица. Наконец, на лицо упал последний лист рисовой бумаги. Как ни пытался молодой человек его сдуть, у него ничего не получилось.

Танцовщица взяла воду и брызнула на рисовую бумагу на лице юноши. Бумага тут же намокла.

Следующий брызг, еще один, и еще…

Сначала ничего не происходило, но по мере того, как листы пропитывались один за другим,

бумага начала повторять контуры лица, словно на нем был полиэтиленовый пакет.

Молодой человек заметил, что ему стало тяжелее дышать, но возможности сопротивляться не было, потому что он по-прежнему был в плену танцовщиц.

Слой бумаги становился плотнее, удушье усиливалось. Крайне жестокое наказание. Пусть шагнет к страху, к абсолютному удушью. Это обычная бумага, но шаг за шагом обнажающая поступки в жизни.

В древние времена многие заключенные, которые «предпочитали смерть сдаче», сдавались, оказавшись перед лицом этого наказания.

Шаг за шагом такая пытка разрушала внутреннюю защиту людей, а затем одним ударом ломала их. Это страшнее паяльника, которым жгли заключенных.

Перед его глазами возник свет. Белый свет, как зов смерти, а в ушах звучал прекрасный голос певицы, оплакивающий его.

Это не зал увеселительного заведения, это уже не старый Шанхай. Да, это ад.

Это ад!

Когда удушье заполонило его, когда он оказался на грани, юноша рухнул и залился слезами.

Резко открыв глаза, он понял, что сидит на стуле в комнате для допросов.

- Ну, с ним все в порядке, - перед ним промелькнуло красивое мужское лицо, Лян Чуань улыбнулся стоявшим рядом полицейским. – У вас еще есть дела, а я вернусь домой. Если что-то подобное случится, вы можете связаться со мной.

- Мне жаль, что пришлось побеспокоить вас, консультант Лян, - поблагодарил его полицейский.

Холодный пот заливал юношу, он еще не отошел от только что пережитого ему не хотелось испытать это во второй раз. Ощущение, что смерть лучше жизни, потому что жизнь безнадежная!

Единственное, что он не знал в тот момент, что этот кошмар будет с ним всегда. Это его пожизненное заключение… которое будет с ним до последнего вздоха.

Это и есть ад, настоящее наказание, которое никогда бы не дали ему светские законы.

Ветер снаружи усилился, Лян Чуань завернулся в пальто.

- Консультант Лян, я отвезу вас обратно, - Цинь Тао долго искала Лян Чуаня и, наконец, увидела у дверей полицейского участка.

- Не стоит, я возьму такси и доберусь сам, - отказался Лян Чуань.

На перекрестке он поймал такси. Было четыре часа утра, когда он подошел к дверям своего магазинчика.

Эта ночь была долгой, такой долгой, что сердце усиленно стучало.

Он открыл дверь. Пуэр расположился на стойке, видимо, ожидал его возвращения.

Лян Чуань подошел к животному, протянул руку и слега погладил Пуэра по голове. Затем достал из-под прилавка металлическое ведро, взял с полки несколько ритуальных банкнот и слитков и подошел к порогу.

Достав зажигалку, он поджег банкноты, добавив несколько серебряных и золотых слитков. Огонь разгорался, а деньги скручивались в языках пламени, озаряя лицо Лян Чуаня в темноте.

- Вот и все, что осталось, остальное продано. Не думайте, что я скупердяй, - пробормотал про себя Лян Чуань. Он не знал, слышит ли его пара.

Как он и говорил раньше Тан Гуанхуэю, он открыл магазин погребальных товаров, но точно не был мастером фэн-шуй или даосским священником.

- Мяу, - Пуэр издал крик, устремив кошачий взгляд на улицу.

Под телефонным столбом, казалось, стоят две фигуры. Он прижимались друг к другу и смотрели в сторону магазина Лян Чуаня.

Пара не подошла. Слегка поклонившись, они медленно уходили.

Наверное, из-за того, что я испытал много страданий, из-за того, что я видел слишком много несчастий других, вести обо мне распространились в загробном мире. Люди всегда ждут, ждут, когда несчастье этой жизни можно будет обменять на красоту следующей.

Эти мысли воодушевляли меня. В них я находил утешение. В противном случае, даже стиснув зубы в этой убогой жизни, продолжить жить будет невозможно.

- Готово! - Лян Чуань закурил сигарету, Пуэр подползал к его ногам.

Мужчина и кот напротив еще не угаснувшего пламени в металлическом ведре на пустынной улице раним утром выглядели, словно старая пожелтевшая черно-белая фотография.

http://tl.rulate.ru/book/43574/1856451